

ПАМЯТЬ И ЗАБВЕНИЕ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЧАГИН» В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. Г. Белоусова

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Память и забвение рассматриваются в романе Е. Водолазкина «Чагин» как способы сохранения и утраты персональной идентичности. Для изучения проблемы памяти и забвения используются культурно-исторический, структурный и сопоставительный методы.

Выявляются специфические свойства памяти героя – фотографичность и шаблонность, механизмы памяти и забвения, способы их репрезентации в романе. Рассматривается вопрос о соотношении памяти и забвения с вымыслом и творчеством: как преодоление автоматизма памяти способствует углублению восприятия и развитию творческих способностей героя. Анализируются мотивы, коррелирующие с мотивом памяти – любви, вины, преступления и наказания, греха, покаяния и искупления. Раскрывается амбивалентная природа памяти и забвения. Память может стать не только даром, но и проклятием, наказанием за грехи, а забвение – спасением и освобождением.

Делается вывод о том, что в понимании автора забвение не столько противопоставляется памяти, сколько сопоставляется с ней: одно без другого грозит экзистенциальной катастрофой. Именно забвение расценивается как высшее благо, становится основанием для тождества личности, действенным способом обретения персональной идентичности: исправляя ошибки молодости, в конце жизни герой воссоздает свою подлинную биографию.

Ключевые слова: современная русская литература, Е. Водолазкин, память, забвение, персональная идентичность.

Введение

Как убедительно показывает в своем исследовании Ф. Йейтс [1], начиная с Античности, европейская культура одержима памятью, что в принципе понятно, если учесть, что память – важнейший способ формирования коллективной и персональной идентичности. Однако в условиях XXI столетия, отмеченного стремительным развитием новых технологий и средств коммуникации (сотовая связь, интернет), эта одержимость становится поистине маниакальной. «Множественность форм репрезентации знаний и информации сообщает памяти *избыточный характер*¹: мы живем в “мемориальную эпоху страстного, придирчивого, почти навязчивого воспоминания”» [2, с. 112], усиливающего недоверие к памяти и страх потерять свою идентичность.

Изменение отношения к памяти, как показывает история философской мысли, неизбежно меняет отношение и к забвению. В классической философии (в трудах Платона, Аристотеля, Дж. Локка и др.) память расценивалась как хранилище прошлого и «основание тождества личности», а забвение – как полная противоположность: «угроза этому тождеству» [3, с. 13], уничтожение прошлого.

В неклассической парадигме (в трудах Ф. Ницше, З. Фрейда, А. Бергсона, Ж. Лакана и др.) отношения памяти и забвения утрачивают харак-

тер оппозиции – память осмысливается как «ретро-активный процесс», а забвение – «как резерв, условие восприятия нового» [3, с. 22]. Но если память процессуальна и изменчива, это ставит под сомнение ее способность выступать гарантом постоянства человеческой личности.

Указанные выше обстоятельства формируют особую социокультурную ситуацию, которую И. Лебедев и Г. Лебедева определяют как феномен «ускользающей», «множественной идентичности» [2, с. 114]. Речь идет об установке современной культуры на создание различных мемориальных практик, которые реализуются «в пространстве индивидуальных биографических проектов» [2, с. 112].

Эту тенденцию наглядно подтверждает современная русская проза, которая активно обращается к проблеме персональной памяти: «Всех ожидает одна ночь» (2001 г.), «Письмовник» (2010 г.) М. Шишкина, «Каждые сто лет. Роман с дневником» (2021 г.) А. Матвеевой и, конечно, романы Е. Водолазкина – «Авиатор» (2015 г.) и «Чагин» (2022 г.). Зеркально отражая друг друга, тексты Водолазкина позволяют взглянуть на проблему памяти и забвения с разных сторон. «Размороженный» в условиях новой России бывший эск Соловецкого лагеря Иннокентий Платонов («Авиатор») страстно стремится воскресить прошлое, а Исидор Чагин не менее целенаправленно стремится к забвению.

¹ Здесь и далее, в том числе и в цитатах, курсивом выделено нами – Е. Б.

Обзор литературы

Проблема памяти в «Авиаторе» уже достаточно хорошо исследована в работах Г. Аросьева [4], И. Б. Ничипорова [5], К. Э. Солдатовой [6], В. В. Абашева [7], В. И. Тюпы [8] и др. Добавим, что она решается автором в русле классической философской и жанровой традиции [7]: память – воскрешение прошлого и собственного «Я»², а значит, подлинная жизнь и бессмертие, забвение – смерть и небытие. В «Чагине» Водолазкин предлагает нестандартное решение вечной проблемы, которое еще не получило должного научного осмысления.

В статье «Забывать нельзя запомнить (Евгений Водолазкин. Чагин)» А. М. Ранчин справедливо пишет о том, что мотив воспоминания является сквозным для творчества писателя и тесно связан с мотивами вины и прощения, любви и веры. Вместе с тем автор отмечает особенность воплощения мотива воспоминания в романе «Чагин», которую видит не только в смещении акцентов с воспоминания на забвение, но и в ином характере самих воспоминаний: «Тотальная память о прежде произошедшем, увиденном, прочитанном приводит к вытеснению живого, непосредственного переживания настоящего, убивает чувство жизни, предстающей, разворачивающейся здесь и сейчас» [10]. Как следствие, дневник Платонова в «Авиаторе» воспринимается как «подлинная явь», а дневник Чагина как недостоверный.

Проследживая метаморфозы судьбы главного героя, Ранчин по-своему отмечает неопределенность его личности, правда, видит в этом скорее недостаток творческого решения, чем особенности авторского замысла: «В этих превращениях-переменах недостает стержня, единства я, и сами они часто выглядят немотивированными...» [10]. Не можем мы согласиться и с тем, что жизнь Чагина «проходит вне исторического контекста», поскольку самоизоляция героя, «футлярность» его жизни и есть свидетельство неприятия той биографии, которую во многом определила для него историческая эпоха.

К тому же сами механизмы памяти и забвения, их соотношение и роль в самоопределении героя детально Ранчиным не исследуются, что позволяет говорить скорее о постановке проблемы, чем о ее решении. Отсюда *цель статьи* – раскрыть особенности воплощения проблемы памяти и забвения в романе «Чагин», роль забвения в обретении персональной идентичности.

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс культурно-исторического, структурного и сопоставительного методов.

Результаты и дискуссия

Память по своей природе опирается на «область пережитого», на человеческий опыт, который повторяет³. В романе Водолазкина это свойство доведено до предела: главный герой – человек, наделенный феноменальной памятью. С одинаковой легкостью Исидор Чагин воспроизводит ряды цифр, рисунки, текст любой сложности и стилистики – научный, публицистический, художественный, на любом языке. Когда профессор древнегреческого языка предложил Чагину запомнить две страницы «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, Исидор, не зная греческого, «...не смог этот текст произнести, зато написал его без единой ошибки, со всеми надстрочными знаками» [12, с. 36].

Память своего героя автор неслучайно называет фотографической. Значимость фотографического кода для текстов Водолазкина, обусловленная визуальным характером его поэтики, уже не раз отмечалась исследователями. В частности, О. Журавель справедливо пишет, что в «Авиаторе» «...фотография подтверждает непреложность, бесспорность запечатленного в кадре, актуализирует тему памяти и воскресения» [13, с. 99].

И действительно, воспоминания Чагина, зафиксированные в дневнике, переполнены подробностями и деталями, свидетельствующими о необычайно развитой зрительной памяти. Например, одно из ранних воспоминаний Исидора о детском саде: «Манная каша, вся в комках успевала остыть, еще не добравшись до стола. Пшеничная каша, наводя на мысли о песке, хрустела на зубах. Окаменевшие брусочки свеклы в борще. Слиплившиеся, словно покрытые слизью макароны. Желеобразный кисель с застывшей пленкой наверху. Упреждая возможные протесты, воспитательницы говорили, что в голодные годы у людей не было и такого» [12, с. 26].

Кроме того, эти воспоминания явно имеют синестетический характер: «Запоминание осуществлялось по нескольким линиям, где *одна как бы контролировала другую*. Звуки у Чагина имели цвет, а цвета озвучивались; запахи окрашивались, а краски, соответственно, пахли» [12, с. 98]. На наш взгляд, это тоже проявляет неосознанное стремление Чагина передать точность и полноту картины, однако ей явно не хватает глубины и жизни.

Воспоминания Чагина безлики, лишены индивидуальности. Они скрупулезно воспроизводят увиденный объект, но не раскрывают сути, не передают впечатления и представления о нем субъ-

² Концепция памяти как воскрешения, воссоздания прошлого, описанная Б. В. Авериним [9], реализуется в таких классических автобиографических романах 20 столетия, как «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Другие берега» В. Набокова, «Времена» М. Осоргина.

³ «В то время как воображение может иметь дело с вымышленными сущностями, коль скоро оно не изображает реальное, а добровольно удаляется от него, воспоминание полагает вещи прошлого; в то время как изображенное имеет опору в презентации как презентации косвенной, вымысел и выдумка коренным образом находятся вне представления» [11, с. 78].

екта. В этом плане показателен портрет любимой женщины Чагина Веры. В Дневнике есть несколько описаний, и, как справедливо замечает рассказчик, «...в некотором смысле *это каталог примет*: форма носа (чуть вздернутый), губ (тонкие), родинка на щеке. Это – Вера серьезна. Углы губ приподняты, морщинка на носу: Вера улыбается. Закрытые глаза, волосы рассыпаны по подушке: Вера спит» [12, с. 96].

Для наглядности сопоставим портрет возлюбленной Чагина с портретом возлюбленной Платонова из романа «Авиатор», который включает в себя и точные детали, и эмоции, и воображение. «Анастасия. Удивительное имя – полногласное и нежное одновременно, три “а”, два “с”. Она сказала: “Меня зовут Анастасия”. Стояла надо мною, как Снежная королева, на новеньких коньках Галифакс, руки в муфте, посреди Юсуповского сада. Что она сначала произнесла? Всё помню: <...> “Вы не ушиблись?” А я – на четвереньках. Смотрю на ее коньки, на полы пальто и меховую оторочку, из-под которой едва-едва, на какой-нибудь вершок, ноги в рейтузах. <...> Она мне подает руку – теплую, из муфты, и я ощущаю ее всей ладонью. И вот одна ладонь моя на льду, другая в ее руке, и такая в этом противоположность, такое схождение теплого и ледяного, живого и неживого, человеческого и... Почему я сравнил ее со Снежной королевой? Ее красота тепла» [14, с. 24–25]. В результате мы понимаем, что это взгляд настоящего влюбленного человека.

Вопрос об образной природе воспоминаний заслуживает отдельного внимания. В «Чагине» его решение Водолазкинским во многом оказывается родственными позиции П. Рикера. Последний различает «память, которая повторяет», и «память, которая воображает»: «Чтобы вызвать прошлое в виде образа, надо обладать способностью отвлекаться от действия в настоящем, надо уметь ценить бесполезное, надо хотеть помечтать. Быть может, только человек способен на усилие такого рода» [11, с. 208].

Чтобы запомнить, Чагин визуализирует информацию, т. е. всякому явлению, даже отвлеченным понятиям он «...придумывал оболочку и эту оболочку запоминал». «Например, при слове агрессия Исидор представлял себе танки, при слове религия – облака» [12, с. 311]. Но такой образ не является художественным, на что в романе прямо указывает авторитетный источник – профессор Спицын: «Выяснилось, что в основе восприятия у Исидора лежит именно образ, причем не художественный – просто образ. При упоминании генеалогического древа он видел елку, на которой вместо игрушек висели таблички с именами, а кристаллическая решетка являлась ему в виде решетки Летнего сада, заботливо украшенной разного размера кристаллами» [12, с. 101]. Иными словами, Чагин не чувствует и не понимает ино-

сказательности, что делает невозможным восприятие им поэзии.

Причину такой ущербности Чагина сам Водолазкин объясняет в одном из интервью. «На самом деле ключевые вещи все существуют в парах. Памяти противостоит забвение, даже не противостоит, а соответствует. Слово существует только потому, что существует молчание, или, наоборот, молчание есть, потому что есть слово. Все ключевые понятия существуют как промежуточное звено между двумя полюсами. И *нет ничего хуже, чем существование на одном из полюсов*». Как следствие: «...дар, доведенный до крайности, превращается в антидар» [15]. А потому фотографический код романа «Чагин» подчеркивает не только точность и достоверность воспоминаний героя, но и механистичность, шаблонность и, в конце концов, безжизненность.

На это указывают неоднократные сравнения памяти Чагина с техническими устройствами, причем разными рассказчиками. Заметим, что композиция и нарративная структура романа по-своему заостряют проблему «ускользающей» самоидентичности героя. Четыре части романа (в каждой свой рассказчик) – это четыре зеркала, в которых по-разному отражается личность Исидора Чагина⁴, различные варианты его социальной, исторической и профессиональной идентичности – студент, сотрудник института, агент спецслужб, известный мнемонист и артист Ленэстрады, архивист. Но ни в одной из частей романа герой не имеет прямого голоса и слова.

Удобление памяти Чагина механизму мы видим в воспоминаниях его друга Эдуарда Грига: «С течением времени я всё больше убеждался в том, что Исидор не запоминал тексты – он их “фотографировал”». «Этим объяснялась способность Исидора называть ряды цифр от начала к концу и наоборот – от конца к началу» [12, с. 258]. А вот комментарий Мещерского к дословному (включая междометия) воспроизведению в дневнике Чагина диалога с профессором Спицыным: «Но Чагин – не писатель, он – мнемонист, и в данном случае мало чем отличается от диктофона» [12, с. 39]. И практически тут же: «Словно камера видеонаблюдения⁵, он [Чагин – Е. Б.] фиксирует всё, что происходит на его глазах. Так, он описывает очередную просьбу ректора пересказать его, ректора, доклад, восхищение слушателей, затем их попытку остановить пересказ и многократные заверения в том, что сверхъестественные способности студента очевидны» [12, с. 41–42].

⁴ Дневник Чагина, который комментирует молодой коллега архивист Павел Мещерский, история Чагина – секретного агента, выдуманная сошедшим с ума сотрудником ГБ Николаем Ивановичем, воспоминания Эдуарда Грига, который дружил с Чагиным в период его работы в Ленэстраде, переписка Мещерского и Ники, из которой мы узнаем о последних годах жизни Чагина.

⁵ Но не кинокамера.

Забегая вперед, заметим, что и когнитивные расстройства героя Григ описывает как *поломку «тонкого и сложного механизма»*, в который вдруг попала песчинка. «Задания, хранившиеся в его бедной голове, сталкивались и взаимодействовали. Случайное повторение идущих подряд элементов было для него непреодолимым препятствием. Он тут же перескакивал на другие задания, которые выполнял за несколько лет до этого» [12, с. 257].

К тому же в отличие от кино фотография статична, она не может создать иллюзию живой жизни, воскресить ушедшее. По этой причине в противоположность «Авиатору» для «Чагина» не актуален кинематографический код. И вновь эту особенность памяти главного героя в романе отмечают два рассказчика – сначала Мещерский: «...выяснилось, что Чагин не запоминал лиц. Точнее, запоминал, но в каком-то одном, *статичном виде*. Малейшее изменение выражения превращало для него знакомое лицо в незнакомое» [12, с. 96]. Затем, подтверждая справедливость оценки, ему вторит Эдуард Григ: «Как пишет в своей книге Спицын, для узнавания лица его подопечному требовалось *повторение выражения и освещения* – а в жизни, согласитесь, это бывает нечасто» [12, с. 283].

Для выявления специфики проблемы памяти важна не только формальная сторона воспоминаний, но и содержательная – на что направлена память, что именно герой запоминает или вспоминает. Для Иннокентия Платонова это «события сердца», которые в его картине мира оказываются гораздо важнее глобальных исторических событий.

Мнемонические усилия Чагина на первый взгляд лишены особого смысла, да и смысл воспроизводимого ему совершенно безразличен: «...для Исидора не было разницы между осмысленным текстом и бессмысленным – например, произвольным набором слов или цифр. Собственно, и текст становился для него осмысленным лишь тогда, когда он целенаправленно в него вникал. В запоминании содержание не играло никакой роли. Качество запоминания зависело исключительно от положения запоминаемого в пространстве» [12, с. 70]. Именно поэтому в третьей части романа Исидор предстает в роли мнемониста, выступающего на эстраде, что сродни фокуснику⁶.

Но все это справедливо лишь относительно той стороны его памяти, которую П. Рикер называет «вызыванием памяти» и противопоставляет «воскрешению памяти», Последнее случается произвольно и окрашено чувством [11, с. 51], в случае с Чагиным – *чувством вины*, которое мучит героя всю жизнь. Соблазнившись возможностью остаться после окончания института в Ленинграде, Чагин соглашается на предложение спецслужб стать доносителем. С фотографической точностью он воспроизводит своим кураторам

содержание разговоров Шлимановского кружка, что приводит к аресту его руководителя Вельского, которого обвиняют в распространении запрещенной литературы.

Так в романе открывается амбивалентная природа памяти – она осмысливается *не только как величайший дар, но и как страшное проклятие*. В результате мотив памяти осложняется ключевыми для творчества Водолазкина мотивами вины, преступления и наказания, греха, покаяния и искупления [6, 10], которые углубляют образ Чагина, проявляя его этическую (предатель) и христианскую (грешник) идентичности.

В отличие от Альберта, который «...стучал на Шлимановский кружок вдохновенно» [12, с. 343] и не испытывал угрызений совести, Исидор не может забыть и оправдать свой проступок. Но самым страшным наказанием становится для героя разрыв с Верой, которая не смогла простить предательства. В таких обстоятельствах забвение расценивается как *благо – спасение, освобождение и прощение*. Однако именно естественной для обычных людей способности забывать Чагин лишен абсолютно.

Итак, смыслом жизни героя, его конечной целью становится забвение, для достижения которого он использует различные техники.

Первый способ – «борьба с изображением». Следуя житейской мудрости (клин клином вышибают), Чагин буквально, т. е. зримо уничтожает листы бумаги с информацией (сжигает их в коробке для фокусов), стирая тем самым из своей памяти их содержание.

Второй способ, основываясь на логическом законе двойного отрицания, представляет собой путь «от обратного» – тщательное погружение в содержание текстов, которые Чагин, как известно, запоминал механически. «Исидор учился осмысливать всё, что запомнил. А с тем, что осмыслено, можно и попрощаться – так, видимо, считала память. Такие вещи она отдавала легко, оставляя себе лишь вывод, общую идею» [12, с. 318].

Третий способ «борьбы с памятью» наиболее важен для понимания позиции автора и его представлений о человеке, поскольку является творческим. В основе – смена субъектов действия, превращение ОН в Я: любой текст (переписка Шлимана с фон Краузе или пьеса Чехова) разыгрывался Чагиным и Григом по ролям, как в театре. «Блистательное незнание (текста наизусть)» Григом вынуждало его импровизировать. В свою очередь это «...разрушало общую ткань текста и заставляло Исидора переходить от известного к неизвестному» [12, с. 312], т. е. *выдумывать*: «*Когда забываешь, всегда начинаешь выдумывать*» [12, с. 314].

Нетрудно заметить, что два последних способа, предложенных профессором Спицыным, нацелены на нарушение автоматизма восприятия, а потому способствуют его углублению, развитию

⁶ Заметим, как и для В. Набокова, для Е. Водолазкина фокусник не является волшебником, т. е. Творцом [16].

скрытых ранее возможностей и способностей, в том числе творческих.

В отличие от памяти, которая опирается на виденное и пережитое, воображение, по Рикеру, опирается на вымышленное и «...предполагает *отвлечение от реальности*» [11, с. 73]. Вместе с тем память и воображение имеют нечто общее – «...*присутствие того, что отсутствует*» [11, с. 73].

Практически вторя Рикеру, Водолазкин заявляет: «...*вымысел – это род забвения, вымысел замещает действительность*» [17]. Однако в отличие от Шлимана и Николая Ивановича, которые подменяют реальность вымыслом, Исидор ее преобразует. Подтверждением тому служит автобиографическая поэма «Одиссей», в которой, исправляя ошибки молодости, герой в конце жизни воссоздает свою «подлинную» биографию: в ней есть Вера, есть Шлимановский кружок, но нет предательства. Поэма проявляет все лучшее в Чагине, а еще завершает его самоопределение, собирая воедино различные проявления его «Я» и дополняя их тем, что П. Рикер называет «нарративной идентичностью».

По Рикеру, «...самоосмысление субъекта способно происходить исключительно “в форме рассказа”, поскольку “о единстве конкретной жизни” мы способны судить лишь “под знаком повествований, которые учат с помощью рассказа соединять прошлое и будущее”; именно “повествование созидает идентичность”» [8, с. 347].

В поэме Чагин по-прежнему тяготеет к исчерпывающим описаниям, но у поэмы есть ритм (гекзаметр) и настоящая образность. Например: «День исчезает за днем, превращаясь немедленно в память, // *Багажной квитанции род, по которой едва ли получишь // То, что сдавалось в багаж. Но малые эти остатки // Как ока зеницу хранишь, поскольку другим не решишься // Вещи оставить свои – не понять никому красоты их: // Созданы лишь для тебя, другим они будут не впору*» [12, с. 331]. А вот как герой описывает последний день тяжело больной Веры: «Покинувший дом обернулся. В расчерченном рамой квадрате // Увидел сидящих за чаем и всех их навеки запомнил. // Они говорили беззвучно, пожалуй что, даже безмолвно, // *И пар самовара, клубясь, играл с бахромой абажура, // И в вазе бессмертник стоял, навеки прощаясь с ушедшим*» [12, с. 375].

Название поэмы не случайно: образ Одиссея становится одним из литературных двойников⁷

⁷ Важную роль в раскрытии образа Чагина играют также человек в фуляре из одноименного рассказа А. П. Чехова, акцентирующий отгороженность героя от мира, и конечно, Д. Дефо, подчеркивающий сложность и неоднозначность фигуры Чагина. С одной стороны, Дефо – беспринципный доносчик и интриган, стоявший у истоков политического сыска, с другой – автор всемирно известного романа «Робинзон Крузо», который является проявлением светлой стороны души Дефо, а потому служит ему оправданием в глазах Водолазкина и его героя.

Чагина. К нему отсылают строки И. Бродского из стихотворения «Одиссей Телемаку», взятые Водолазкиным в качестве эпиграфа к роману. Как и Одиссей, за все свои мучения в конце жизни Чагин получает желаемое – забвение и прощение. Причем прощение на всех уровнях – Вельского, Веры, которая становится самой большой наградой Чагину, а самое главное, самого себя. Этого не случилось бы, если бы не было покаяния. Вот как об этом пишет сам автор: «Покаяние стирает грех. В романе упоминаются реки из «Божественной комедии» – Лета и Эвняя: одна дарует забвение грехов, другая воскрешает в памяти добрые дела. Чагин мечтает о том, чтобы грехи стерлись, а осталось лишь добро – проявленное им или к нему. И он этого достигает» [18].

Представлен в романе и другой род забвения – беспомыслие, потеря собственного «Я». Его олицетворяет Авдей Прокопьевич, о котором рассказывает в письмах Нике Павел Мещерский. Дожив до девяноста лет, старик «ничего не помнит. Себя не помнит». Отрешенный от мира, неспособный к коммуникации, Авдей Прокопьевич вызывает не столько сострадание, сколько оторопь, почти испуг. «Среди ночи просыпаемся от прерывистых стонущих звуков. Поет Авдей Прокопьевич. Часть звуков проглатывается, как при плохой мобильной связи, так что слов не разобрать. Выйдя на середину комнаты, Авдей не только поет, но и танцует. С завораживающей медленностью вращается вокруг своей оси, хлопая себя по голеницам. Зрелище не сказать чтобы устрашающее, но особенное» [12, с. 358].

Выводы

Итак, рассмотрев особенности воплощения проблемы памяти и забвения в романе «Чагин», мы пришли к следующим выводам.

Уходя от упрощенного понимания мира и человека, Водолазкин не столько противопоставляет память и забвение, сколько сопоставляет их, отрывая сложную, амбивалентную природу и того, и другого.

Память может стать не только даром, но и проклятием, наказанием за грехи, а забвение – спасением и освобождением. В этом плане, как справедливо замечает Э. Тышковска-Каспшак, забвение не столько «...отрицает или стирает память», сколько «...приводит к непрымим и небеспорным вершинам понимания и прощения» [19, с. 276].

В результате именно забвение становится основанием для тождества личности, действенным способом обретения персональной идентичности и конструирования подлинной биографии.

Более подробно система двойников в романе «Чагин» будет рассмотрена нами в отдельной статье.

Литература

1. Йейтс, Ф. Искусство памяти / Ф. Йейтс. – СПб., 1997. – 479 с.
2. Лебедев, Д. В. Память как социокультурный феномен: о роли меморативных практик в процессе конструирования идентичности / Д. В. Лебедев, Г. В. Лебедева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7. – Ч. 3. – С. 112–115.
3. Лебедева, Г. В. Память и забвение как феномен культуры : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. В. Лебедева. – Екатеринбург, 2006. – 25 с.
4. Аросев, Г. Важнее настоящего / Г. Аросьев // Новый мир. – 2016. – № 7. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/vazhnee-nastoyashego-evgenij-vodolazkin-aviator.html (дата обращения: 25.08.2024).
5. Ничипоров, И. Б. Парадоксы памяти в современном русском романе: «Авиатор» Е. Водолазкина / И. Б. Ничипоров // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 1(82). – С. 127–130.
6. Солдатова, К. Э. Мотивная структура романа Е. Водолазкина «Авиатор» / К. Э. Солдатова. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/322817834.pdf> (дата обращения: 25.08.2024).
7. Абашев, В. В. «Проект грядущего восстановления мира...»: роман Евгения Водолазкина в контексте художественной сoterиологии русской литературы / В. В. Абашев // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 319–332.
8. Тюпа, В. И. Интрига идентичности в романе Водолазкина «Авиатор» / В. И. Тюпа // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 345–354.
9. Аверин, Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. В. Аверин. – СПб. : Амфора, 2003. – 399 с.
10. Ранчин, М. А. Забыть нельзя запомнить (Евгений Водолазкин. Чагин) / А. М. Ранчин // Новый мир – 2023. – № 8 – URL: <https://nm1925.ru/articles/2023/08-2023/zabyt-nelzya-zapomnit> (дата обращения: 27.08.2024).
11. Рикер, П. Память, история, забвение / П. Рикер ; пер. с франц. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
12. Водолазкин, Е. Г. Чагин / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. – 378 с.
13. Журавель, О. Визуальная поэтика Евгения Водолазкина / О. Журавель // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин ; под ред. А. Скотницкой и Я. Свежего. – Краков, 2019. – Т. 2. – С. 97–108.
14. Водолазкин, Е. Г. Авиатор / Е. Г. Водолазкин. – М. : АСТ, 2015. – 180 с.
15. «Личность – это память»: Евгений Водолазкин о своем новом романе и мифологии человека. – URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767-licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-celoveka> (дата обращения: 28.08.2024).
16. Белоусова, Е. Г. Волшебник и фокусник в эстетической и художественной системе В. Набокова (на материале рассказов 1920–1930-х гг.) / Е. Г. Белоусова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021 – № 69. – С. 209–225.
17. Евгений Водолазкин: мы — свидетели грозной эпохи. – URL: <https://tass.ru/interviews/15988077> (дата обращения: 28.08.2024).
18. Водолазкин, Е. Миф – не ложь, а скорее, наше активное отношение к факту». – URL: <https://www.fontanka.ru/2022/11/02/71786480/> (дата обращения: 25.08.2024).
19. Тышковска-Кашпак, Э. Память / забвение в романе Михаила Шишкина «Всех ожидает одна ночь» / Э. Тышковска-Кашпак // Знаковые имена современной литературы. М. Шишкин. – Краков, 2017. – С. 265–276.

Белоусова Елена Германовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Челябинский государственный университет (Челябинск), e-mail: belouelena@gmail.com. ORCID: 0000-0002-5593-2628

Поступила в редакцию 7 сентября 2024 г.

MEMORY AND OBLIVION IN THE NOVEL *CHAGIN* BY EVGENY VODOLAZKIN AND THE PROBLEM OF PERSONAL IDENTITY**E. G. Belousova***Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

This paper considers memory and oblivion in the novel *Chagin* by Evgeny Vodolazkin as ways of preserving or losing personal identity. To study the problem of memory and oblivion, cultural-historical, structural, and comparative methods are used.

Specific properties of the hero's memory – photographic and stereotypical, mechanisms of memory and oblivion – are revealed in their representation in the novel. The relationship of memory and oblivion with fiction and creativity is considered: how overcoming the automatism of memory contributes to the deepening of perception and the development of the hero's creative abilities. Motives that correlate with the motive of memory are analyzed – love, guilt, crime and punishment, sin, repentance and atonement. The ambivalent nature of memory and oblivion is revealed. Memory can become not only a gift, but also a curse, punishment for sins, and oblivion – salvation and liberation. It is concluded that oblivion is not so much opposed to memory as compared: one without the other threatens us with an existential catastrophe. Oblivion is regarded as the highest good, becoming the basis for and an effective way of gaining personal identity: correcting the mistakes of his youth, at the end of his life the hero recreates his true biography.

Keywords: contemporary Russian literature, Evgeny Vodolazkin, memory, oblivion, personal identity.

References

1. Yeyts F. *Iskusstvo pamyati* [Memory Arts]. Saint-Petersburg, 1997. 479 p.
2. Lebedev D.V., Lebedeva G.V. Pamyat' kak sotsiokul'turnyy fenomen: o roli memorativnykh praktik v protsesse konstruirovaniya identichnosti [Memory as a Sociocultural Phenomenon: on the Role of Memorial Practices in the Process of Identity Construction] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2011. № 7. Ch. 3. P. 112–115.
3. Lebedeva G.V. Pamyat' i zabvenie kak fenomen kul'tury [Memory and Oblivion as a Cultural Phenomenon]: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Ekaterinburg, 2006. 25 p.
4. Arosev G. Vazhnee nastoyashhego [More Important than the Present] // *Novyj mir*. 2016. № 7. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/vazhnee-nastoyashhego-evgenij-vodolazkin-aviator.html (date of accessed: 25.08.2024).
5. Nichiporov I.B. Paradoksy pamjati v sovremennom russkom romane: «Aviator» E. Vodolazkina [Paradoxes of Memory in the Modern Russian Novel: “The Aviator” by E. Vodolazkin] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. № 1(82). P. 127–130.
6. Soldatova K.J. Motivnaja struktura romana E. Vodolazkina “Aviator” [The Motive Structure of E. Vodolazkin's Novel “The Aviator”]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/322817834.pdf> (date of accessed: 25.08.2024).
7. Abashev V. “Proekt gryadushchego vosstanovleniya mira...”: roman Evgeniya Vodolazkina “Aviator” v kontekste khudozhestvennoy soteriologii russkoy literatury [“Project for the Future Restoration of the World...”: Eugene Vodolazkin's Novel The Aviator in the Context of the Literary Soteriology of Russian Literature] // *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnickoj, J. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 319–332.
8. Tjupa V.I. Intriga identichnosti v romane Vodolazkina “Aviator” [The Intrigue of Identity in Vodolazkin's Novel “The Aviator”] // *Znakovye imena sovremennoj russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin*; pod red. A. Skotnickoj, J. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 345–354.
9. Averin B.V. Dar Mnemosiny: Romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy tradicii [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition]. Saint-Petersburg: Amfora, 2003. 399 p.
10. Ranchin M.A. Zabyt' nel'zja zapomnit' (Evgenij Vodolazkin. Chagin) [You Can't Forget, You Can't Remember (Evgeniy Vodolazkin. Chagin)] // *Novyj mir*. 2023. № 8. URL: <https://nm1925.ru/articles/2023/08-2023/zabyt-nelzya-zapomnit> (date of accessed: 27.08.2024).

11. Riker P. Pamjat', istorija, zabvenie [Memory, History, Oblivion]; per. s franc. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2004. 728 p.
12. Vodolazkin E.G. Chagin [Chagin]. Moscow: AST: Edited by Elena Shubina, 2022. 378 p.
13. Zhuravel' O. Vizual'naja pojetika Evgenija Vodolazkina [Visual Poetics of Eugene Vodolazkin] // *Znakovye imena sovremennoj russkoj literatury. Evgenij Vodolazkin*; pod red. A. Skotnickoj, J. Svezhego. Krakov, 2019. T. 2. P. 97–108.
14. Vodolazkin E.G. Aviator [The Aviator]. Moscow: AST: Edited by Elena Shubina, 2015. 180 p.
15. “Lichnost’ – jeto pamjat’”: Evgenij Vodolazkin o svoem novom romane i mifologii cheloveka [“Personality is Memory”: Evgeny Vodolazkin about His New Novel and Human Mythology]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/480767-licnost-eto-pamat-evgenij-vodolazkin-o-svoem-novom-romane-i-mifologii-cheloveka> (date of accessed: 25.08.2024).
16. Belousova E.G. Volshebnik i fokusnik v jesteticheskoj i hudozhestvennoj sisteme V. Nabokova (na materiale rasskazov 1920–1930-h gg.) [The Magician and the Juggler in Nabokov’s Aesthetic and Artistic Frame (Based on Stories of the 1920s and the 1930s)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*. 2021 № 69. P. 209–225.
17. Evgenij Vodolazkin: my – svideteli groznoj jepohi [Evgeny Vodolazkin: We are Witnesses of a Formidable Era]. URL: <https://tass.ru/interviews/15988077> (date of accessed: 28.08.2024)
18. Tyshkovska-Kaspshak J. Pamjat' / zabvenie v romane Mihaila Shishkina “Vseh ozhidaet odna noch” [Memory / Oblivion in Mikhail Shishkin’s Novel “One Night Awaits Everyone”] // *Znakovye imena sovremennoj literatury. M. Shishkin*. Krakov, 2017. P. 265–276.

Elena G. Belousova – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, e-mail: belouelena@gmail.com

Received September 7, 2024

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Белоусова, Е. Г. Память и забвение в романе Е. Водолазкина «Чагин» в свете проблемы персональной идентичности / Е. Г. Белоусова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 74–81. DOI: 10.14529/ssh240409

FOR CITATION

Belousova E. G. Memory and oblivion in the novel *Chagin* by Evgeny Vodolazkin and the problem of personal identity. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 4, pp. 74–81. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240409
